

Хоу И, Император,
Десять солнц и мальчик
с персиковым мечом.

Карим Бальц Хоу И, Император, Десять солнц и мальчик с персиковым мечом

<https://litres.ru/73978036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето в Паньцзячжуане выдалось адское: десять солнц устроили на небе та-ра-рам, и земля превратилась в сковородку. Пока взрослые прячутся по погребам, мальчишка Хоу Эр сидит на хурмовом дереве с кривым персиковым мечом и наблюдает за тем, как с неба падают огненные братья. Их расстреливает сам великий предок — Хоу И! Стрелок, чьё имя мальчик носит как насмешку...

Ироничная, тёплая (*жаркая!) и хулиганская история о том, как великое становится малым, а малое — великим, если посмотреть на него с земли.

Карим Бальц

Хоу И, Император,

Десять солнц и мальчик

с персиковым мечом

В то лето над Великой Китайской равниной стояли настолько жаркие дни, что даже вороны падали с неба замёртво, не долетая до спасительной рощи. Их маленькие чёрные сердца не выдерживали духоты, и птицы камнем рушились в пыль, где их тут же подбирали тощие деревенские коты-кабыздохи. Коты дрались за каждую тушку с такой яростью, словно это был не ворон, а кусок жирной свинины, и шерсть на их спинах то и дело вставала дыбом от злобы и голода.

На рисовых же полях вода нагревалась к полудню так, что если опустить палец, казалось, будто съёшь его в почти закипевший чайник.

Крестьяне, посовещавшись на сходе у старого колодца под раскидистой ивой, которая одна ещё держала листву, решили в такие дни выходить на работу только на рассвете и в сумерках. В самый солнцепёк они прятались по домам, занавешивая окна мокрыми тряпками, и лежали на циновках, обмахиваясь пальмовыми опахалами да слушая, как потрескивают от зноя соломенные крыши.

В деревне под названием Паньцзячжуан, что лепилась к подножию холма, поросшего корявыми хурмовыми деревьями, жил мальчик. Звали его Хоу Эр. «Эр», потому что был он вторым сыном в семье, а «Хоу»... что ж, никто и не помнил уже, когда его дед получил это звучное имя, означающее «правитель» или «князь». Кости деда давно истлели на кладбище за околицей, имя перешло к отцу, а потом и к нему, ко Второму, что, признаться, звучало почти насмешкой: какой же он "князь", если ходит в штанах, заплатанных на заднице такой толстой иглой, что стежки похожи на след от тележного колеса, проехавшего по осенней грязи?..

В тот день, о котором пойдет речь, Хоу Эр проснулся от духоты. Солнце ещё не взошло, но воздух уже был тяжелым и липким, как патока, и даже мухи, обычно навязчивые, сидели неподвижно на потолочных балках, словно приклеенные. Мальчик поворочался на циновке, попробовал посчитать их, сбился и плюнул. Тоска и жара гнали его прочь из фанзы, где пахло кислой капустой, мышами и застоявшимся духом.

Он спешно собрался, выскользнул за ворота и побрёл вверх по тропинке, туда, где старые плодовые деревья раскинули свои узловатые ветви. Листья на них обвисли, как старые тряпки, и сквозь эту редкую тень пробивались первые утренние лучи, ещё не такие кусачие, как днём.

Он нашел свое любимое дерево — самое причудливое, с дуплом у корней, где он прятал деревянный меч, вырезанный старшим братом из доски от импортного ящика.

Меч был, признаться, несуразный и щербатый, с зазубринами по краям, но, когда Хоу Эр брал его в руки, тот превращался в драгоценный клинок из метеоритного железа, упавшего с неба в незапамятные времена, с лезвием, которое могло разрезать даже камень! Не говоря уже о какой-то там драконьей чешуе или панцире небесной черепахи... Тиская рукоять, нагретую его ладонью, мальчик сноровисто вскарабкался на толстый сук, откуда было удобно смотреть на мир, и замер в ожидании рассвета.

С востока, из-за сизых гор, которые местные старики называли Вратами Дракона, потянуло сначала слабым светом, потом он разгорался всё сильнее, и вот на край неба выкатилось Солнце.

А за ним, во дела, второе!

Потом и третье, четвертое, пятое, — они лезли друг на друга, толкались, словно поросята подле одного корыта, и скоро весь-весь небесный свод запылал десятком огненных шаров.

Десять большущих раскалённых медных тазов, полных жидкого слепящего огня, выкатились туда и устроили там бешеную пляску! Они налезали друг на друга, и от их возни по земле шли такие жгучие волны, что трава у дороги сворачивалась в ломкие трубочки, а кузнечики, сойдя с ума, начинали стрекотать уже не песню, а сплошной надрывный визг, похожий на скрип несмазанной телеги, которую тащат в гору.

Внизу же, в деревне, захлопали двери и закрипели засовы. Взрослые, выглянув на улицу и смекнув, что случилось, попрятались по самым неприметным углам. Один Хоу Эр остался на дереве, вцепившись в свой меч и глядя на небо широко раскрытыми глазами.

А на небе тем временем творилось бес знает что...

За несколько дней до этого, в чертогах Нефритового дворца, в зале Высшей Гармонии, где стены были выложены пластинами из цельного жадеита, а пол устлан ватой, сотканной из утренних туманов, десятеро братьев-солнц уговорили свою мать отпустить их погулять всем вместе. Богиня Сихэ была женщина добрая, но довольно слабохарактерная. Она слишком любила своих непоседливых детей и не умела им отказывать. Особенно старался Восьмой — мал ростом среди братьев, но голосист и вертляв, как ящерица, что бегаёт по нагретым камням. Он носился по Восточному дворцу, где они томились в ожидании и очереди, дергал братьев за пламенные локоны и кричал тонким голоском:

— Чего мы ждём? А вдруг мы состаримся? Или нас забудут? Отец и не вспомнит даже, сколько нас должно быть, он только свои безделушки считает да наложницам в глаза заглядывает! Давайте выйдем все разом! Устроим гонки, братцы! Кто первый домчит до западных гор, того мать будет любить больше всех!

Старший, Да-гэ, солидный и грузный, с пунцовым лицом и важной осанкой, ворчал, что нельзя нарушать заведенный

порядок и нужно выходить по одному, но голос его тонул в общем гаме, как камень в болоте. Второй брат был с ним согласен. Третий же, толстяк и соня, с вечно прикрытыми глазами, лениво поддерживал Восьмого, потому что в гурьбе, как он верил, можно было дремать, пока другие толкаются. Четвертый, трусоватый, все время оглядывался на двери, боялся послушаться, но ещё больше страшился, что его назовут маменькиным сынком. Пятый, хвастун, то и дело подпрыгивал и кричал, что он самый быстрый и всех обгонит, и даже задирал свою огненную голову так высоко, что чуть не прожег потолок.

Шестой же, любопытный, всё норовил заглянуть в щели дворцовых стен, чтобы увидеть, что там, за горизонтом, и периодически вытягивал шею, как гусь. Седьмой, танцор, кружился на месте и приговаривал, что, мол, в гонках главное — красота движений, а не скорость!

Восьмой в это время уже предвкушал веселье и показывал всем язык, длинный и огненный. Девятый, глуповатый, с пустым лицом и неизменно открытым ртом, просто не понимал, о чем спор, и кивал всем подряд, чтобы не переспрашивать. А Десятый, самый младший и махонький, жался в углу за колонной, обхватив себя руками, и боялся даже пикнуть, только смотрел на братьев большими испуганными глазами, в которых отражалось окружающее пламя.

И они уговорили мать.

Сихэ вздыхала, качала головой, теребила край своего об-

лачного платья, расшитого жемчугом, но в конце концов махнула рукой и велела запрягать для всех.

И вот в это утро, когда Хоу Эр сидел на привычном дереве, в небо взмыли все десять золотых колесниц! Упряжь звенела на все лады, тысяча бубенцов на сбруе гремела так, что в ушах закладывало, кони, испуганные таким количеством седоков, ревели и неслись вскачь, выдыхая клубы пара, который тут же испарялся в раскаленном воздухе, а Солнца, посмеиваясь и толкаясь, высыпались на небесный свод.

Сначала им было ох как весело! Они ныряли в остатки облаков, которые таяли от их жара с тихим шипением, распугивали птиц — тех немногих, что ещё осмеливались подняться в небо. Птицы с криками разлетались в стороны, и многие попросту гибли, не выдерживая божественного внимания.

Солнца же грели спины друг другу, играли в салки. Восьмое носилось быстрее всех, визжало от восторга и показывало физиономии отставшим. Пятое пыталось его обогнать и надувалось от гордости, когда это удавалось. Седьмое кружилось волчком, разбрасывая вокруг себя снопы искр, которые падали вниз и зажигали жухлую траву. Толстое Третье плюхнулось на облако, но облако мгновенно испарилось с громким "п-щ-щ", и оно шлепнулось прямо на спину Шестому, отчего оба кубарем покатались по небу, неудержимо хохоча и ругаясь. Все гоготали, даже хмурый Старший позволил себе мельком улыбнуться краем огненного рта.

Но очень скоро земля внизу застонала. Реки начали мелеть на глазах, обнажая илистое дно с задыхающейся рыбой, которая била хвостами по грязи, словно прося пощады, и тут же запекалась. Леса затрещали, и в них то тут, то там вспыхивали пожары, и дым от них поднимался до самых небес, но те были так раскалены, что дым рассеивался, не успевая собраться в благодатные облака. Люди прятались в пещеры и погреба, зарывались в землю, моля о пощаде всех спасителей, каких знали, и проклиная наглых светил. А братцы даже не замечали этого, им было слишком радостно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.